

В лицо девушке остервенело хлестал холодный дождь, сопровождаемый сильными порывами злого ветра. Вода струйками стекала по её разгорячённым щекам, смывая крупные капли слёз. Даша не замечала дождя, она горько всхлипывала, проглатывая комки страха и обиды. Девушка изо всех сил бежала по мокрому уличному тротуару, стараясь убежать как можно дальше. Даше хотелось втиснуться в ночную темноту, раствориться в громаде городских домов, чтобы никто и никогда её не нашёл. Сбросить с себя запах вонючего перегара и рвотного ощущения омерзительно скользких рук, лапающих юное девичье тело. «Лучше бы мне умереть!» — мелькнула горестная мысль. Коротенькое разорванное платье еле прикрывало её угловатые худенькие плечи. Спутанные длинные мокрые волосы свисали беспорядочными прядями по спине. Босые ступни хлопали, издавая чмокающий звук при попадании ноги в многочисленные лужи, образованные дождём.

Наконец девушка устала, бег замедлился. Ноги предательски стали цепляться друг за друга, потом совсем остановились: они не смогли удержать ношу и подкосились, увлекая тело за собой в глубокую канаву. Даша упала и на некоторое время потеряла сознание. Короткий миг забывая перенёс девушку в призрачный сон, который ей часто снился...

Даша оказалась на солнечной лужайке, усыпанной полевыми цветами. Она почувствовала нежный аромат клевера и незабудок. Маленькая девочка идёт по мягкой шелковистой траве на встречу с мамой, которая ласково улыбается и приветливо машет ей руками, протягивая их к малышке. Она ждёт, когда дочка коснётся добрых, нежных материнских пальцев. Даша уже почти приблизилась к ним, но вдруг лицо мамы меняется, становится непроницаемо строгим. Женщина прячет руки за спину, её силуэт медленно исчезает в пространстве воздушного тумана. Даша слышит до боли знакомый, родной голос: «Не надо, не приходи ко мне, дочка, тебе ещё рано. Ты такая молодая, красивая, у тебя вся жизнь впереди. Живи, родная...» — «Хорошо, мама, я буду жить...» — хочет ответить девочка, но её губы только беззвучно шлёпаются друг о друга, а голос срывается в черноту...

Даша очнулась от резкого звука удара грома. Распластанная в грезной жиге, она сильно дрожала и тихо плакала. Кричать беглянка не могла, потому что боялась — её может услышать и догнать самый ужасный человек на свете. «Гадкий, гадкий!» — с глубоким омерзением повторяла Даша, глотая слёзы. Девушка поднялась и быстро побежала, прокладывая себе дорогу в ночной мгле, пробиваясь сквозь густой небесный поток. Дождь всё усиливался, водяные струи становились толще, они больно, с остервенением впивались в тонкую кожу. Где-то в глубине чёрного неба раздавались сердитые раскаты грома. Сверху небо яркое пламя молнии, осветив одинокую фигурку.

Всё, сил больше нет бежать. Даша остановилась и опасно оглянулась. Кругом было пусто, только шум дождя звучал монотонно и бесконечно. Девушка в непроглядной темноте по звукам шелеста листьев, стонам раскачивающихся под ненастным ветром стволов деревьев поняла, что находится в городском парке. Она почти ощупью пробралась к одной из беседок, забилась в угол и, как смогла, обхватила плечи руками, согревая себя своим же теплом, которое в ничтожном количестве сохранилось в ней. Всё её хрупкое тело дрожало. Напитанное холодным дождём платье прилипло к фигуре, не оставив Даше никакой надежды хоть как-то согреться. Через некоторое время дрожь превратилась в сильную лихорадку. Всё тело знобило от холода так, что зубы между всхлипываниями отстукивали дробь. Неожиданно проблеснул фонарный лучик света.

— Кто здесь? — раздался мужской голос. — А ну выходи!

Даша ещё сильнее вцепилась в деревянные ограждения беседки. Ужас парализовал её продрогшее тело. Она втянула ноги под себя и маленьким комочком вдавилась в скамейку. Худенькие пальцы побелели от напряжённого давления хозяйки.

Человек, шаркая подошвами ботинок по деревянному покрытию строения, стал продвигаться к девушке. Из ночной темноты Даша ощутила приближение мощной глыбы с булькающим, посвистывающим дыханием. Мелькнул отблеск разряда молнии. Где-то в глубине рассерженного неба раздался мощный взрыв грома. Потом ещё и ещё. Лесной массив содрогнулся от тяжести водяного потока.

— Кхе, хм, кхе, хм... Ты откуда тут взялась? — удивлённо спросил человек. — Ты, дочка, не бойся, я тебя не обижу. Совсем продрогла. Пойдём, красавица, ко мне в сторожку, чаем тебя напою. Я сторожем этого парка являюсь, ты меня не пугайся. Фомич меня зовут.

Старческий голос неожиданного пришельца беглянке показался добрым, по-отчески успокоительным.

— Я здесь, в городе, работаю, а живу недалеко, в деревне. У нас там нет работы, народ весь разъехался, — будто не замечая состояния девочки, продолжал обстоятельно рассказывать старик, тем самым располагая к себе её доверие.

Голос его был обычным и спокойным. Девушка мысленно благодарила старика за то, что он не стал восклицать и охать, глядя на её состояние. А наоборот, будто ничего не замечал, всё говорил и говорил.

— Вот и лето почти уже заканчивается, скоро осень наступит, а там зима не за горами. Не люблю я этот бесконечный холодный дождь. Сердитая осень всё норовит поскорее власть отнять у лета, а у меня ревматизм в такой период сильно ноет! Э-хе-хе!..

Даша не знала этого чужого человека, но отеческая простота, с которой он обратился к ней, вызвала нескончаемый поток жалости к себе. Даже такой малости, как ласковое обращение, она очень давно не слышала.

После трагической гибели родителей Дашу взяли под опеку дальние родственники, которым сам ребёнок был не нужен. Их привлекало денежное пособие на девочку. Жизнь сироты была не по-детски суровой. Её часто били, не кормили, заставляли ухаживать за младшими детьми. В очередной раз оставленной без ужина, Даше очень хотелось есть, поэтому она украдкой грызла заранее припрятанные ею хлебные сухари — остатки с общего стола. Днём приёмыша мучили непосильной, длительной, изнурительной домашней работой. Девочке хотелось поскорее вырасти и уйти из этого злого, не материнского дома. Она часто вспоминала своих родных — любимых маму и папу.

Фомич снял с себя тёплую фуфайку, заботливо накинул на плечи девушке. Даша тряслась от холода и страха так сильно, что от неожиданного тепла она испугалась ещё больше, но потом чуть согрелась и внимательно взглянула на человека. Фомич был высоким, крепкого телосложения мужчиной. Не зря он ей показался огромным и страшным. Но когда она услышала его добродушный голос, то немного успокоилась. Почему-то этот большой человек не вызвал у неё того отвращения, которое только что пылало у неё в груди при воспоминании о пережитом ужасе. Все особи мужского пола собрались в омерзительном лице брата её названной матери, напавшего на

неё ночью и терзавшего юное первозданное тело. Вновь на девушку надавили страх и ненависть, и Даша, содрогаясь всем телом, зарыдала в голос. — Ну нет, так дело, дочка, не пойдёт! Давай вставай, пойдём, — осторожно пытаюсь дотронуться до вздрагивающего плеча девочки, сказал Фомич. — А как же ты пойдёшь? Ты же без обуви, босая! — воскликнул старик. — Подожди, я сейчас принесу что-нибудь.

Фомич вернулся быстро, в руках у него были большие калоши. Они имели такой размер, что девушке хватило бы одной, чтобы надеть на обе ноги.

В сторожке старик ни о чём не спрашивал неожиданную гостью, укутал её тёплым пледом, напоил чаем с брусникой. Даша ещё долго тряслась, приглушённо всхлипывала, но потом сознание провалилось в черноту бездны, и она забылась в беспокойном полусне. До её слуха отдалённо доносились раскаты свирепствующего грома, сопровождаемые шумом дождя, а ещё непонятные звуки скрипа дверей и монотонный скрежет движения колёс. Постепенно глухая мгла окончательно навалилась на неё и заставила заснуть.

— Где же ты, дед, раздобыл такую птаху? Какая она тощая, грязная! Бедненькая доченька! — причитала Аксинья, жена Фомича. — Похоже, брошенное совсем дитя, никому не нужно!

— Тише, тише! Не разбуди девчонку! Получше укрой её, а я завтра из деревни привезу медсестру Катерину, пусть посмотрит, что с ребёнком, — строго сказал Аксинье Фомич.

Ночью из сторожки он перевёз Дашу к себе в деревенский дом, но потом решил увезти её подальше, в зимник. Старик понял, что девушку могут искать злые люди, которых так боялось это неокрепшее под тяжестью жёсткого бытия создание, поэтому он не оставил её в деревне, а запряг буланого и отправил в таёжный стан, прихватив с собой жену Аксинью.

Небольшой хутор, окружённый глухим лесным массивом, состоящий из охотничьего домика и двух-трёх хозяйственных построек, находился далеко от деревни. Добраться до зимовья можно было только на лошади, потому что путь пролегал по непроходимому сухостою и густым зарослям и имелась только неширокая дорога, которую сам Фомич проложил. Хутор служил для семьи Фомича не только как необходимое жилище для любого добытчика природных даров, но ещё отличным местом отдыха от людской суесть. Рядом с поселением протекала бурная река. В некоторых местах берега были достаточно крутыми, они резкими обрывами спускались прямо в воду. Здесь река бурлила и пенилась, сердито омывая разбросанные огромные каменные валуны, образованные затвердевшим песком и гравием, намытым быстрым водяным потоком. Стихийный валежник поваленных грозой деревьев в некоторых узких

заводя реки являлась естественным материалом для строительства бобровых нор. Рыба, попадая в такие места, не могла протиснуться сквозь густые строительные переплетения веток и водорослей, ставших для неё ловушкой. Рыбные косяки, подгоняемые сильным течением, безуспешно бились о препятствие, но не могли выбраться, образуя естественную приманку для рыбаков. Поэтому Фомич недалеко ставил небольшие верши — сети, сплетённые из тонких веток. Улов всегда получался знатным. Рыбы хватало на уху и на зимние запасы. Фомич любил не только рыбалку, охота тоже доставляла ему большое удовольствие. Он мог часами бродить по лесу, длительно сидеть в засаде, выжидая появления куропаток. Охота и рыбалка были хорошим подспорьем в хозяйстве. Тайга давала возможность собрать припасы ягод, грибов, мяса дикой птицы и зайца. Вкусный аромат заполнял избу, когда Аксинья стряпала пироги с лесной земляникой, а запах, идущий из чугунка в печи, в котором томился наваристый суп из зайчатины, заставлял разыграться богатырский аппетит.

Дикие, неухоженные лесные просторы, хранившие немало опасностей для человека, поражали мощью, необузданной красотой, щедро созданной природой. Таёжный массив привлекал взгляд своей стихийной широтой и буйством красок, одновременно доставляя удовольствие ощущать благоухание трав и убаюкивающее слух умиротворённое шуршание листьев.

«Как же здесь хорошо!» — восхищалась Даша, стараясь глотнуть в лёгкие как можно больше полезного лесного воздуха. После болезни она чувствовала, что ещё никогда не была так счастлива. Она быстро пошла на поправку. Лечение Аксиньи приготовленными снадобьями, подкреплённое густыми борщами и вкусными пирожками с малиной, дало хороший результат. А кедровый отвар добавил девушке силы и настроения.

Пока Даша выздоравливала, наступила зима. Пушистый снежный покров мягкой периной накрыл лес, богато украсив бело-серебристым одеянием стройные ели, высокие сосны, тоненькие берёзки. Снега намело так много, что зимовье почти под крышу спряталось в сугробах, только издали можно было увидеть полоску дыма, поднимающуюся из печной трубы. Чем крепче случался мороз, тем дым получался гуще и обильнее, даже немного темнел и интенсивно клубился над крышей, устремляясь в небо. А когда особенно свирепствовала зима, Фомич подбрасывал в печь толстых сосновых поленьев, и тогда труба начинала трещать от разогрева, выбрасывая вместе с дымом пучки искр, отчего казалось, что зажгли петарду. Выходить в такую погоду на улицу не хотелось не только человеку, домашние животные тоже попрятались в тёплом сарае, а лесное население укрылось в норах и звериных жилищах.

В такие зимние вечера Даша забиралась на печь, с удовольствием укутывалась старым овечьим бушлатом, всем своим телом прильнув к теплу печной кирпичной кладки, и слушала усыпляющее потрескивание прогорающих поленьев. Она впитывала в себя жар огня, стараясь выжечь ужасные воспоминания насилия над ней, которые угнетали и будоражили память безысходностью случившегося. Пламя, будто понимая девушку, разгоралось всё сильнее и сильнее, стараясь отогреть раненую девичью плоть: «Кроха, не вспоминай ни о чём плохом. Я помогу тебе своим теплом, согрею твоё хрупкое сердечко! Ты верь мне! У тебя обязательно будет всё хорошо! Придёт большая любовь, ты будешь самой счастливой! Засыпай!..»

Потом вновь приходила мама: «Доченька, ты должна жить! Ты будешь очень счастлива! А мы с папой всегда рядом! Живи, родная...» — «Мама, я тебе обещаю, я буду жить...»

Днём Даша помогала Аксинье по хозяйству. Бралась за любую домашнюю работу. Особенно ей нравилось заниматься приготовлением еды. Кухня Аксиньи была оборудована старинной крестьянской утварью, что для Даши стало в диковинку. Освоив названия и предназначение каждого предмета, девушка с восхищением наблюдала за тем, как ловко Аксинья управляется с чугунками с помощью ухвата. В руках этой доброй женщины обыкновенное мучное тесто складывалось во вкусные толстые пироги и булочки.

Нравилось девушке гулять по лесу. Они вместе с Фомичом подвешивали на деревья самодельные кормушки, куда каждый день насыпался корм — хлебные сухарики, пшено, семечки подсолнуха. Пернатые радостно поедали угощения, доверчиво подпуская Дашу к себе. Часто такие лесные столовые опустошали шустрые белки. Однажды Даша застала за таким занятием оголодавшую лесную хозяйку — лисицу. Серо-рыжая шубка, которая промелькнула среди кустов. Плутовка после неудачной попытки достать кормушку, увидев людей, удирала так, что только пушистый хвост виднелся вдали.

— Надо бы закрепить ещё несколько кормушек пониже, под соснами, пусть рыжая немного поест, а то сильно истощала за зиму, — рассудил Фомич. — Голодная лиса — это ещё ничего, а вот если медведь-шатун не ляжет в берлогу, то быть беде. Сильно злой косолапый в такую пору.

— Расскажи, Фомич, пожалуйста, что тогда будет? — взмолилась Даша.

Ей нравились почти сказочные повествования Фомича, он не раз рассказывал интересные истории. Девушка в такие минуты чувствовала себя малышкой, которой на ночь рассказывали сказку. Даша не знала, правдивыми были рассказы Фомича или нет, но только очень они получались содержательными, красочными, а иногда даже

и страшными. Конечно, повествование имело хорошее завершение. В такие минуты к ним обязательно присоединялась Аксинья. Даша прижималась к ней, и так, в обнимку, они слушали рассказы Фомича.

— Ты, дочка, хотела узнать про то, как медведь-шатун может напроказить, когда не спит и голодный? Так вот, слушай,— начал рассказывать старик.— Река-то у нас здесь бурная, таёжная,— продолжал Фомич,— быстротечная и даже опасная. Воды её намывают не только крутые пороги, но кое-где и золотишком могут одарить старателей. Тут много таких бывает, только не всем она отдаёт эти драгоценности. Если человек алчный, а золото ему нужно для совершения зла, тогда не отдаст вода сокровища. А если добрый, сердечный пришелец, а золото ему нужно, только чтобы хоть немного облегчить трудную жизнь своим детям, и нет у него никакого злого умысла, то получит он щедрый речной дар.

— Фомич! Как же узнает река, хороший человек или нет?— спросила Даша.

— Река мудрая, она определяет, кому помочь облегчить существование, а кому нет. Откуда у реки такое умение, мне неведомо, но то, что вода не ошибается, это уж точно. А когда она определила, с какой целью пришёл старатель, то плохого человека обязательно отведит от этих мест, да ещё на помощь призовет медведя-шатуну. Как-то, лет пять назад, появилась здесь недалеко группа старателей. Поселились они в шалаше за горкой и начали просеивать воду, а заодно и рыбу ловили, все силки мои раскурочили. Да это ещё полбеды, у меня-то рыбные ловушки стояли в тех местах, где всё равно рыбе не выбраться из-за бобровых заводей. А вот пришельцы оказались злыми и жадными, помимо золотишка понадобилось им много рыбы. Стали они взрывчаткой реку беспокоить, гибли целые косяки. И это ещё не всё, так как рыба им особенно не нужна была, так, для куража они это делали, чтобы напакостить. Я пробовал их приструнить, да куда там, мне с ними не справиться. Они превзошли меня, старика, и численностью, и силой. Тогда-то река рассердилась: забурилась, зашипела, как кипятик, в некоторых местах вышла из берегов. Но старателям-то что: перенесли шалаш подальше к лесу и вновь взялись золото искать, а потом продолжили бить беззащитную рыбёшку. Может, злые люди хотели взрывчаткой дно раскурочить, чтобы река быстрее отдала свои сокровища. Тогда река призвала на помощь хозяина тайги— медведя. Косолапый разворочил стоянку старателей, людей прогнал из лесу, даже одного покалечил. Возбуждённый зверь так рассвирипел, что к зиме не лёг в берлогу. Да ещё тот год оказался неурожайным, еды в лесу было мало, поэтому медведь не накопил жира. В народе такого зверя кличут— медведь-шатун. Много бед может

принести такой шатун. Всю зиму зверь будоражил открытости и в деревню забредал, чтобы корм отыскать, нападал на домашних животных. У нас с Аксиньей несколько загашников с припасами опустошил, но зато река довольна осталась, не любит она алчных людей. Природа много даёт, но и взамен требует бережного отношения к себе, чтобы надолго всем хватило,— закончил рассказ Фомич.

— Фомич, расскажи ещё, какие случаи бывают у вас тут, очень интересно!— попросила Даша.

— Нет, сегодня уже поздно, а завтра я вам расскажу загадочную историю о том, как в наших местах большой, размером с яйцо, изумруд нашли.

Девушка улыбнулась, предвкушая, что услышит то ли быль, то ли сказку от старика, заранее зная, что повествование о том, как добро победит зло, даст ей заряд положительных эмоций, которые постепенно возвратят веру в хороших людей...

Прошла зима, наступившая весна разогрела снежные намёты, скинула с деревьев зимнее одеяние, вздула почки, развеселила птиц. Из норок и всевозможных укрытий повылазили лесные жители, подставив затёкшие за зиму бока погреться на солнышке. Своевольная река раскурочила ледяные тиски, бурные потоком погнала подтаявшие глыбы вдоль берегов, чтобы быстрее растрепать их и превратить в воду.

Девушке настолько было спокойно и хорошо у Фомича с Аксиньей, что не хотелось возвращаться в ту тяжёлую, страшную жизнь, в которой она еле выжила. Но не всегда действительность соответствует желаниям.

Даша осторожно, с опаской подошла к квартире названных родителей, со страхом дёрнула дверную ручку, крепко зажмурила глаза и переступила порог. Каждая её клеточка была напряжена настолько, что, казалось, ещё немного— и нерв лопнет. На неё из глубины помещения повеяло свежим духом и подвальной сыростью. Она тихо, медленно передвигая утяжелённые напряжением страха ноги, скользнула в детскую комнату, не обращая внимания на спящих детей (было раннее утро), хаотично схватила свои вещи, учебники и выскочила на улицу. Её преследовало чувство неприязни и брезгливого омерзения к этому злому дому. Она ещё долго не могла осмыслить, что больше никогда не вернётся сюда. И когда писала заявление участковому, и когда некоторое время жила в интернате, потом, после окончания школы, гостила у Фомича с Аксиньей, ставших для неё родными, самыми близкими людьми.

Тяжёлые детские воспоминания постепенно забывались. На смену им пришла любовь с восхитительным чувством семейного счастья и радости материнства. Даша всегда помнила о сне, в котором мать просила её жить. «Мамочка, любимая! Я буду жить!»